

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.27>

Белая Ирина Анатольевна

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКИЙ АВАНГАРД: ПЕРЕСЕЧЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

В статье впервые сопоставлены мыслительные стратегии, свойственные творчеству Л. Н. Толстого и представителей русского авангарда - К. Малевича, Н. Гончаровой: это отношение к традиции, общность визуальных образов, жизнестроительные интенции. Анализируемая общность мыслительных стратегий объясняется общим фундаментальным культурным основанием, а также характером эпохи, к которой принадлежали рассматриваемые представители русской культуры. Цель работы заключается в выявлении мыслительных стратегий, представляющих не только историко-культурологический и философский интерес, но обладающих качеством актуальности сегодня.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/7/27.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 131-135. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философская антропология, философия культуры

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 05.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.27>

В статье впервые сопоставлены мыслительные стратегии, свойственные творчеству Л. Н. Толстого и представителей русского авангарда – К. Малевича, Н. Гончаровой: это отношение к традиции, общность визуальных образов, жизнестроительные интенции. Анализируемая общность мыслительных стратегий объясняется общим фундаментальным культурным основанием, а также характером эпохи, к которой принадлежали рассматриваемые представители русской культуры. Цель работы заключается в выявлении мыслительных стратегий, представляющих не только историко-культурологический и философский интерес, но обладающих качеством актуальности сегодня.

Ключевые слова и фразы: мыслительные стратегии; русский авангард; жизнестроительство; отношение к традиции; опрощение; Лев Толстой; Казимир Малевич; Наталия Гончарова.

Белая Ирина Анатольевна, к. филос. н., доцент

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
irina.belaya.2012@mail.ru

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКИЙ АВАНГАРД: ПЕРЕСЕЧЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Введение

Обращение к истории, культуре, философии своего отечества помогает понять не только свое прошлое, но и настоящее. Обращение к жизненному, художественному, мыслительному опыту соотечественников, сумевших уникальным образом отразить свою эпоху и повлиять на формирование сознания и своих современников, и последующих поколений, представляется не только поучительным, но и **актуальным**; интерес представляют также примеры их самореализации не только в творчестве, но и в пространстве жизнестроительства.

Целью данной статьи является сопоставление мыслительных стратегий Л. Н. Толстого и некоторых представителей русского авангарда, в которых отразился поиск творческих решений, а также связанные с ним процессы жизнестроительства.

Для достижения поставленной цели необходимо выявить общие стратегии творчества сопоставляемых авторов.

Научная новизна: предпринята попытка аналитического сравнения в аспекте жизнестроительства вариантов художественной практики крупнейших художников переломной эпохи конца XIX – начала XX в. Л. Н. Толстого и некоторых представителей русского авангарда – К. Малевича, Н. Гончаровой; выявлены общности их мыслительных стратегий. Духовные поиски этих авторов имели нечто общее: обращение к духовному опыту наиболее глубокой традиции народной культуры. Обнаруживается структура, представляющая собой соединение потенциала образов/символов народной культуры и поиск новых авангардных форм/интенций, которые имеют отношение не только к искусству, но к творчеству самой жизни.

Результаты исследования

Время конца XIX – начала XX века было преддверием невиданных по своим масштабам и последствиям для всего человечества катастроф. Сегодня мы можем сказать, что значение свершившихся тектонических сдвигов в жизни и сознании человека до конца не осмыслено. Самосознание русской культуры этого исторического периода выработало множество разнокачественных разновекторных форм осмысления происходящих процессов: философских, политических, социологических, экономических, художественных и др.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют примеры, совмещающие художественную практику и философскую рефлексию, что способно обеспечить более глубокое разноаспектное проникновение в осмысляемую реальность.

С одной стороны, создание ее художественного образа/модели предполагает «схватывание» важного, но не поддающегося иному выражению содержания, с другой стороны, оно включает в себя рациональную рефлексию художника-мыслителя. Примеры такого рода обнаруживают себя в творчестве Л. Толстого и представителей русского авангарда – художников, казалось бы, во всем противоположных друг другу. Сразу подчеркнем, что философская составляющая в обоих случаях – мощнейшая часть их творчества, не только в смысле ее отражения в художественной практике, но в буквальном смысле слова.

Русская философия начала XX века существует в разных вариантах. В рамках рассматриваемой темы интерес для нас представляют теоретические работы Л. Н. Толстого и К. С. Малевича. Философия Л. Толстого представлена учением о непротивлении злу насилием и учением сознания жизни. С ними связаны его поздние философские работы: трактат «О жизни», «О непротивлении злу силою», «Путь жизни», «Закон насилия и закон любви» и др. Философский аспект творчества К. Малевича представляют его трактаты и теоретические сочинения, обосновывающие супрематизм как новое направление искусства и миропонимания: «Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой», «О новых системах в искусстве», «О субъективном и объективном в искусстве и вообще» и др. Сразу отметим, что для К. Малевича как основателя супрематизма – это не только «суперстиль» (от лат. *supremus* – «высший, высочайший; первейший»), направление абстрактного искусства, отражающее в праформах (первоформах) распадающуюся реальность, для него это – дело жизни. В письме М. Матюшину в июне 1916 года К. Малевич пишет: «...в зародыше творческих сил было заложено – найти форму, через которую мы смогли бы получить указания новых дорог и строений в пространстве» [6, с. 418].

Черты философичности несло в себе творчество Наталии Гончаровой, Михаила Ларионова, Василия Кандинского, Михаила Матюшина, Павла Филонова и других представителей русского авангарда.

Н. Гончарова в одной из своих корреспонденций отмечает: «...я признаю рассказ, иллюстрацию, живопись идейную, философскую и могу отправляться от чего угодно, надо только всему этому дать живописную форму» [Цит. по: 5, с. 98].

Поскольку в рамках одной статьи невозможно охватить все это грандиозное многообразие, ограничимся несколькими именами, имея в виду ту общую специфику авангарда как такового, выраженную известным семиотиком В. Фещенко, работающим в области исследования авангарда: «Авангард как “новая модальность” – особая парадигма общественного сознания, или “модуль эпохи”, обладающий структурным единством и отличающийся специфическим комплексом взаимосвязанных идей, умонастроений и жизненных установок. Это “стиль эпохи” в России обнимает собой в хронологическом плане три десятилетия» [9, с. 291-292].

Очевидно, что можно говорить и о творчестве Толстого как парадигмальном для России явлении, по силе и качеству воздействия на русское сознание и русскую культуру мало с чем сопоставимом. Русский философ В. Н. Ильин назвал творчество Толстого «национальным грандиозным космосом»: «Здесь не только полнота “экзистенции”, жизненных конфликтов и коллизий, бываемых с человеком как таковым. Здесь еще полнота мирозерцательной динамики... “галактия”, раскаленная туманность зарождающегося мира, из которого глядит мир древний и вечный» [3, с. 415]. Толстой и русские авангардисты явились выразителями глубинных изменений – онтологических доминант – многомерного онтологического топоса, обозначающегося сегодня как «русский мир», тех доминант, которые определяли собой характер новой наступающей эпохи.

Творчество Толстого и русских авангардистов – это два типа художественной и философской реакции на тектонические глубинные сдвиги того процесса общественной жизни, современниками которого они являлись. В этих реакциях классика золотого столетия русской литературы и представителей авангарда – самого нового радикального направления в искусстве того времени – можно усмотреть не только различия стилистического, аксиологического, культурного, поколенческого и т.д. порядков, но и важные в смысловом отношении пересечения.

Современная исследовательская мысль обнаруживает в их творчестве общие черты чувствования/понимания/отражения. К. Бланк, обратившая внимание на параллели визуальных образов геометрической абстракции писателя и супрематических полотен К. С. Малевича, назвала Л. Толстого первым супрематистом, что, на первый взгляд, кажется парадоксальным, однако при более внимательном рассмотрении эта констатация не кажется неприемлемой [2, с. 33]. Исследовательница отмечает не только сходство визуальных конфигураций Толстого и Малевича: в первом случае это «квадрат» занавески на стене, который символизирует «карзамасский ужас» писателя – метафизический ужас смерти; во втором – это один из знаменитых квадратов художника, количество символических интерпретаций которого стремится к бесконечности. Бланк усматривает смысловое сходство этих конфигураций в переживании-предошущении неотвратимого хода подспудной страшной силы, надвигающейся на мир и на человека. На наш взгляд, именно ощущение этой страшной силы было одним из экзистенциальных истоков знаменитого учения Толстого о ненасилии, необходимость реализации которого утверждалась писателем как неустрашимый для человечества закон жизни.

Одна из поздних философско-публицистических работ писателя называлась «Закон насилия и закон любви», в ней он рассматривал закон ненасилия как закон любви, единственное, что может противостоять надвигающейся катастрофе разрушения всего и вся «до основания», – истина непреходящая и традиционная. Толстой пишет: «Ищите в себе одного: увеличения любви посредством уничтожения всего того: ошибок,

грехов, страстей, что мешает ее проявлению, и вы наидействительнейшим способом будете содействовать благу людей. Поймите, что исполнение в наше время познанного нами высшего закона любви, исключаящего насилие, так же неизбежно для нас, как неизбежен для птиц закон перелета, витья гнезд, закон питания растениями для травоядных, и мясом для хищных животных, и что поэтому всякое наше отступление от этого закона наверное губительно для нас» [8, с. 227]. Особое отношение к традиции – сложная, неоднозначная и требующая отдельного исследования характеристика духовного мира Толстого.

В контексте рассматриваемой нами темы отношение к традиции, причем отношение активное, творчески-созидательное, – одно из духовно-мыслительных пересечений Толстого и авангардистов, с тем уточнением, что, учитывая разнородный, часто антиномический характер русского авангарда, эта черта по-разному преломляется в творчестве разных его представителей. В. Фещенко трактует обращенность русских авангардистов к истокам родной культуры как динамизацию старой, «константной» оппозиции «архаика – новаторство» [9, с. 292]. Важно подчеркнуть, что архаика в восприятии художников начала XX века предстает не просто как своего рода тезаурус культуры древнейшего периода истории, аккумулирующий в себе ряд мумифицированных образов, представлений, приемов и т.д., но как живой источник – «живой опыт мира, понимания как действия и присутствия в универсуме», «интенсив проживания актуального мгновения», по выражению современной исследовательницы культуры Серебряного века [4, с. 69]. Необходимо отметить также, что в восприятии деятелей искусства конца XIX – начала XX века традиция выступала как неоднородное «двуосновное» образование, включающее в себя древнейшую языческую, наиболее архаичную компоненту, а также составляющую христианского вероучительного комплекса. Эти «двуосновность», двоеверие отрефлексированы в русской философско-культурологической мысли в работах Д. Мережковского, А. Потебни, А. Веселовского, А. Панченко, Д. Лихачева, В. Топорова, Н. Толстого, В. Живова и др.

Интенция к изучению и подключению к традиции как мыслительная стратегия предстает как универсальная, поддерживаемая культурой в целом в качестве механизма трансляции и воспроизведения своего фундаментального основания, что и обеспечивает жизнеспособность всего социокультурного организма; с другой стороны, необходимость этого универсального механизма трансляции традиционных ценностей в современном мире все больше проблематизируется, и все интенсивнее, если не сказать агрессивнее, внедряется либеральная система ценностей, в которой базовые смыслы традиции демонтированы и попросту уничтожены. Такая ситуация требует не только адекватного ее осмысления на уровне общественного сознания как серьезной угрозы, особенно в ситуации кризиса, но и соответствующих шагов по ее преодолению.

Для авангарда является характерным достаточно «пестрое», по выражению В. В. Бычкова, амбивалентное, если не сказать антиномичное, отношение к традиции: присутствие интереса к ней и одновременное отталкивание. Таким «концентрированным» примером выражения амбивалентного отношения является, на наш взгляд, «крестьянский цикл» К. Малевича, представленный целой галереей мощных фигур, цельных, сильных, часто лишенных лица, с косой в руках. Это простое древнее орудие невольно воспринимается не только как символ крестьянского земледельческого мирного труда, но и как символ смерти. Представитель народа здесь – не психологический тип крестьянина, это гораздо более масштабный тип, антропологический – выразитель грозной, при этом слепой, беспощадной силы, не столько преобразующей мир, сколько его ломающей.

В творчестве Наталии Гончаровой, одной из самых ярких и самобытных представительниц русского авангарда, мы видим другой тип отношения к народной традиции и крестьянской жизни: это прежде всего глубокий интерес к народной духовности, выразившийся, в частности, в любви художницы к лубку, к иконописному искусству, в освоении ею приемов и эстетики народного, примитивного искусства, совпадение ее чувствования – восприятия мира с народным мироощущением. По этому поводу в очерке «Наталия Гончарова» М. Цетлин пишет, что она «обладает врожденным и совершенно уникальным даром органичного и необычайно счастливого смешения религиозного чувства, веры в Христа и почти языческой радости от ощущения светозарно-солнечного жизненного празднества» [10, с. 255]. Интерес к традиции у Н. Гончаровой носит по преимуществу «позитивный» характер, когда он переходит в изучение и творческое ее переосмысление, творчески переработанное заимствование.

«Сочетание Гончаровой традиционных и авторских приемов привело к сложению в ее искусстве индивидуальной творческой “традиции” с оригинальной иконографией и сюжетным рядом», – отмечает исследовательница ее творчества [5, с. 122].

Наиболее ярко это обнаруживает себя в знаменитых религиозных композициях художницы 1910-1911 гг. – это более двадцати картин и многочисленные графические листы; в ее эскизах декораций к опере-балету Н. А. Римского-Корсакова «Золотой петушок» (1914 г.) в антрепризе С. Дягилева, феерический успех которого вошел в историю русского театрального искусства и русской сценографии; в эскизах декораций к балету «Свадебка» (1916-1917 гг.). Нам кажется уместным вспомнить в этом ряду знаменитый «Автопортрет в платке» 1907 года, в котором художница, представительница знаменитого аристократического рода, родственница Наталии Николаевны Гончаровой, жены А. С. Пушкина, предстает в образе женщины из просто-народья, в платке, низко повязанном на голове так, как это делают простые крестьянки, – для нас примечателен и информативен выбор именно такого формата и стиля самоизображения.

Искусствовед А. Г. Луканова, специалист по творчеству художницы, отмечает утверждение Н. Гончаровой о том, что «религиозное искусство и искусство, прославляющее государство, было и будет всегда самым величественным, самым совершенным искусством, потому что такое искусство традиционно» [Там же, с. 119].

Далее исследовательница продолжает: «Опора Гончаровой на византийско-русские художественные традиции, ее обращенность к древним иконам, рукописям и старинному церковному лубку в соединении с глубиной собственной веры позволили ей найти верные образы... линии, краски для выражения своей художественной тайны» [Там же]. И еще важное в контексте нашей темы замечание автора данного исследования о том, насколько важна живая связь художника и традиции как неиссякаемого источника идей, образов и пластических решений: «...религиозная и крестьянская темы у Гончаровой тесно связаны. Однако развиваться в гармоничном единстве они могли только на родной почве. Оказавшись оторванной от России, Гончарова резко меняет образность и живописные мотивы. Чувственное восприятие токов, исходящих от родной земли, “языческая радость” сменяются отстраненным восторженно-холодным взглядом чужака» [Там же, с. 145].

Если обратиться к Толстому, то, на наш взгляд, у него отношение к традиции выражается в неизбывной тяге-любви к народной жизни, к ее смысловым, нравственным и эстетическим основам. Такое духовно-практическое погружение Толстого в народную жизнь находит многогранное отражение: в художественном творчестве, в созданных им великолепных образах простых людей (Платон Каратаев, русский солдат Тушин, дед Ерошка и т.д.); в философских взглядах писателя, в частности, в его философии истории. В романе «Война и мир» Толстой развивает свое понимание движущей силы исторического процесса как «роевой» силы рода, утверждая ценности родства, семьи, любовных родственных отношений, жизненности как природной витальной силы – ценности, относящиеся к наиболее архаичному аксиологическому пласту культуры. Но наиболее ярко и глубоко, на наш взгляд, отношение Толстого к традиции обнаруживает себя в самой жизни писателя, в знаменитом толстовском опрощении, которое предстает не только самобытным культурным феноменом, но особой философией и жизненной практикой. Разные исследователи усматривают разные причины этого опрощения. Для С. Г. Семеновой оно шло во многом из «надежды обрести такое же народное спокойствие» в самом мучительном для Толстого вопросе неотвратимости смерти [7, с. 214]. Мы рассматриваем опрощение Толстого в контексте его учения сознания жизни о саморазвитии человека через рост/развитие его сознания. Толстой выявляет структуру сознания жизни. Опрощение в рамках этого учения предстает как определенный этап духовного развития человека, обусловленный так называемым отказом от личности, понимаемым Толстым как отказ от эгоцентрированного устройства сознания, которое он называл «животным сознанием»; это перестраивание сознания повлекло за собой и перестраивание образа жизни как ответ на действие внутреннего нравственного императива: необходимости сопряжения мысли и дела [1].

На наш взгляд, феномен опрощения в редуцированном виде получил свое продолжение в современной жизни и терминологически обозначен как *downshifting* – уход городских жителей в деревню, на природу, отказ от ценностей и стереотипов современной цивилизации и организация жизни, в основе которой лежат физический крестьянский труд на земле, ведение натурального хозяйства, отказ от комфорта как одного из соблазнов современной цивилизации, – данные характеристики дают право говорить о типологической общности этих разнесенных по времени явлений.

Установка на переорганизацию – трансформацию – преобразование своей жизни характерно не только для Толстого, можно сказать, что эта установка получила чрезвычайное распространение в русской жизни на переломе столетий. Как отмечает современный исследователь, «будетлянство, космизм, имажинизм – не только названия новых литературных течений, но и самодостаточные формы жизни» [5, с. 287]. Можно продолжить этот список «самодостаточных форм жизни». Концепт жизнестроительства не случайно стал одним из основных в художественно-мыслительном универсуме авангарда.

Надо отметить, что концепт жизнестроительства имеет отношение не только к русскому авангарду. С. Семенова видит жизнестроительные тенденции на более раннем этапе русской истории – у Н. Гоголя, Н. Федорова, В. Соловьева [7, с. 237]. Общеизвестен вариант жизнестроительства, связанный с русским символизмом – направлением, хронологически уже близким авангарду. Безусловно, такая распространенность и многоаспектная воплощенность жизнестроительных интенций – это мета времени, маркер глубинных сдвигов, которые сначала подспудно, а затем в явной, предельно агрессивной форме меняли русскую жизнь. Само явление жизнестроительства предстает как активный поиск созидательных, подвластных человеку, его воле, его сознанию путей изменения жизни.

Заключение

Разное по своему значению, но при этом грандиозное духовное воздействие и Толстого, и авангардистов на культуру как таковую – это явления всемирного масштаба, причем не только выразившие чаяния и устремления своего времени, но продолжающие быть актуальными для времени нынешнего.

Творчество аккумулирует в себе различные измерения культурного и исторического. Мы рассматриваем феномены творчества Льва Толстого, Казимира Малевича, шире – русского авангарда – как сложные многоуровневые репрезентативные примеры, диагностирующие эпоху, те изменения, которые происходили в человеке и с человеком. Выводы, к которым они приходят разными путями, оказываются коррелирующими друг другу. Во многом сходными и актуальными сегодня оказываются и мыслительные стратегии, и те пути выхода из исторического тупика, которые они видят: это пути внутреннего духовного роста человека и человечества, истоки которого обнаруживают себя в человеческом сознании, в возможностях его преобразования – трансформации, в его творческом потенциале, а также в обращении к потенциалу традиций своей культуры и своего народа.

Список источников

1. **Белая И. А.** Сознание жизни как экзистенциальный феномен в русской философии // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы Второй международной научно-практической конференции. Н. Новгород: НГТУ им. Р. Е. Алексеева, 2011. С. 602-606.
2. **Бланк К.** В поисках иконичности: Л. Толстой и К. Малевич // Русская литература. 2004. № 1. С. 33-43.
3. **Ильин В. Н.** Вавилон и Иерусалим: демоническое и святое в литературе: в 2-х т. СПб.: Русский мир, 2011. Т. 2. 719 с.
4. **Кребель И. А.** Мифопоэтика Серебряного века: опыт топологической рефлексии. СПб.: Алетея, 2010. 592 с.
5. **Луканова А. Г.** Наталия Гончарова. М.: Искусство – XXI век, 2017. 536 с.
6. **Малевич К. С.** Черный квадрат. СПб.: Азбука, 2001. 576 с.
7. **Семенова С. Г.** Русская литература XIX-XX веков: от поэтики к миропониманию. М.: Академический проект; Парадигма, 2016. 890 с.
8. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений: в 90-та т. М.: Художественная литература, 1956. Т. 37. 494 с.
9. **Фещенко В.** Внутренний опыт революции в русской поэтике // Семиотика и авангард: антология / ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин; под общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Академический Проект; Культура, 2006. С. 286-346.
10. **Цетлин (Амари) М. О.** Собрание стихотворений. М.: Водолей, 2011. 400 с.

**LEO TOLSTOY AND THE RUSSIAN AVANT-GARDE:
OVERLAP OF INTELLECTUAL STRATEGIES**

Belaya Irina Anatol'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
irina.belaya.2012@mail.ru

The article for the first time identifies the common elements of intellectual strategies typical of L. N. Tolstoy and the representatives of the Russian avant-garde K. Malevich, N. Goncharova: attitude towards tradition, similarity of visual images, vital intentions. Similarity of intellectual strategies is based on the common cultural foundation and the nature of the epoch to which the mentioned representatives of the Russian culture belonged. The study aims to identify intellectual strategies that possess historical, culturological and philosophical value and are relevant nowadays.

Key words and phrases: intellectual strategies; Russian avant-garde; life arrangement; attitude towards tradition; simplification of lifestyle; Leo Tolstoy; Kazimir Malevich; Nataliya Goncharova.